

СЕЛЕСТА
БРЭДЛИ

*Любовь
меняет все*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б89

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Celesta Bradley

THE DUKE NEXT DOOR

Перевод с английского Я. Е. Царьковой

Компьютерный дизайн Г. В. Смирновой

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Брэдли, Селеста.

Б89 Любовь меняет все : роман / Селеста Брэдли ; [пер. с англ. Я. Е. Царьковой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-096022-4

Вдовый маркиз Брукхейвен срочно нуждается в новой супруге, которая помогла бы с воспитанием его стремительно взрослеющей дочери. Однако леди, казавшаяся практически идеальной невестой, предпочла сбежать и обвенчаться со сводным братом жениха. И тогда, в полном отчаянии, маркиз... принял предложение руки и сердца от кузины сбежавшей невесты, дерзкой Дейдре Кантор. Но что заставило красавицу Дейдре, вечно окруженную поклонниками, пойти на столь эксцентричный шаг и самой предложить себя мужчине, которого в свете прозвали Зверем? Холодный расчет? Жалость к Брукхейвену? Или тайная любовь, в которой она не смеет признаться даже самой себе?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-096022-4

© Celesta Bradley, 2008
© Перевод. Я.Е. Царькова, 2016
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

Как-то дождливым сумрачным вечером богатый ворчливый старик сел за стол, взял в руки перо и... решил судьбу всех своих потомков женского пола.

«Я, сэра Хамиш Пикеринг, будучи в здравом уме и твердой памяти, изъявляю сим свою последнюю волю.

Я смог подняться так высоко, как только может подняться баронет, у которого ума, воли и мудрости вдвое больше, чем у любого из этих бездельников, величающих себя пэрами королевства. Но женщина, если она не уродина, посредством брака может взлететь хоть до небес. Постарается, так и герцогиней станет.

Ни одна из трех моих дочерей не оправдала моих надежд. Мораг и Финелла, я потратил на вас столько, что за глаза хватило бы, чтобы окрутить и женить на себе самого знатного из англичан, но вы для этого и палец о палец не ударили. Вы рассчитывали, что вам все поднесут на блюдечке. Так вот: если кто из особ женского пола, рожденных в этой семье, надеется получить мои денежки, пусть знает: даром ей ничего не достанется. Придется потрудиться.

Итак, настоящим я заявляю, что все мое состояние до последнего пенни будет храниться там, где мои ничемные дочери до него не доберутся. Я учреждаю трастовый фонд в пользу той моей внучки, которая выйдет за-

муж за герцога Англии или за того, кто унаследует герцогский титул, будучи ее мужем, после чего все средства фонда перейдут ей и только ей.

Если у нее будут сестры: родные или двоюродные, которые не смогут выйти замуж, то каждая из них получит пожизненное содержание в сумме пятнадцати фунтов в год. Если у нее окажутся братья родные или двоюродные, что маловероятно, ибо, увы, в этой семье рождаются одни девицы, то каждый из них получит по пять фунтов, ибо столько денег было в моем кармане, когда я приехал в Лондон. Любой шотландец, стоящий той еды, что попадает ему в брюхо, сможет превратить пять фунтов в пятьсот за несколько лет.

Определенная сумма будет выдана каждой девице на выданье на наряды, булавки и прочее.

В случае если ни одна из моих внучек не выйдет за герцога или прямого наследника герцога, все пятнадцать тысяч фунтов пойдут на уплату штрафов и возмещение убытков тем, кто в обход таможи поставляет в Англию наш добрый шотландский виски, который и служит мне единственным утешением в моих горестях. Никчемные мои дочери, если ваша бедная святая мать видит вас сейчас, она, верно, и в раю плачет от огорчения!

сэр Хамиш Пикеринг

Удостоверили:

Б. Р. Стикли, А. М. Вулф,

нотариальная контора «Стикли и Вулф»

Такое вот странное завещание оставил после себя сэр Хамиш Пикеринг, и сейчас его внучки Фиби, Дейдре и Софи приехали в Лондон попытать счастья и побороться за приз в пятнадцать тысяч фунтов.

Фиби, дочь vicar, девушка с добрым сердцем, но слегка подмоченной репутацией, уже проиграла, когда предпочла законному сыну герцога, что мог бы прине-

сти ей вожделенные пятнадцать тысяч фунтов, сына незаконного, без гроша в кармане. Отказавшись от денег, Фиби выбрала любовь, которая, по крайней мере на данный момент, казалась ей куда дороже золота, и сейчас вместе с любимым мужем пересекала Ла-Манш в предвкушении захватывающего путешествия по европейским столицам, которое, кстати, оплатил законный сын герцога и сводный брат жениха Рейфа маркиз Брукхейвен.

И теперь только красавица Дейдре, которую к роли светской львицы и покорительницы сердец с детства готовила мачеха, да еще невзрачная, вечно уткнувшаяся в книгу Софи оставались в игре. Маркиз Брукхейвен, который со дня на день должен получить герцогство, все еще был свободен. Но надолго ли? Мисс Дейдре Кантор вознамерилась сделать все возможное, чтобы он не засиделся в холостяках.

Глава 1

Англия, 1815 год

— Зверь остался без добычи! Сегодняшним утром у алтаря от маркиза Брукхейвена сбежала очередная невеста!

Колдер Марбрук, он же маркиз Брукхейвен, услышав свое имя из уст истошно вопившего мальчишки-газетчика, остановился как вкопанный посреди одной из самых оживленных улиц Лондона, едва не оказавшись под колесами телеги, нагруженной бочонками с элем.

Окрик возницы подействовал, и Колдер в последний момент успел отскочить в сторону. Тогда же он сообразил, что надо как-то заставить замолчать голосистого мальчишку. Колдер перебежал на другую сторону улицы, лавируя между экипажами и навлекая на себя праведный гнев кучеров и извозчиков.

— Читайте про Зверя из Брукхейвена! Узнайте, чем и как он отпугивает своих женщин!

Мальчишка-газетчик оказался вовсе не мальчишкой, а уже немало пожившим худосочным субъектом, обладавшим удивительно высоким для его лет голосом. Продолжая орать, продавец забрал монету из рук Колдера и вручил ему газету.

— Брукхейвеновский Зверь вновь выходит на охоту! — истошно вопил тщедушный тип. И вдруг, скользнув взглядом по лицу покупателя, в недоумении уста-

вился на газету, с которой на него смотрел тот самый Брукхейвенский Зверь.

— Так это вы, — еле слышно выдохнул разносчик и, нахлобучив кепку на глаза, постарался как можно быстрее раствориться в толпе.

Колдер не стал пускаться вдогонку. Он раскрыл газету и прямо на улице начал читать. Одетый во все черное, высокий и крепкий, Колдер был похож на скалу, вокруг которой бурлило и колыхалось людское море.

«Брукхейвенский Зверь»... Ни титул, ни богатство не смогли избавить его от этой «черной метки». «Таинственные обстоятельства смерти предыдущей жены маркиза Брукхейвена, скончавшейся пять лет назад, оставили много вопросов, — читал он. — Скоропостижная кончина прелестной леди Брукхейвен, а теперь внезапное бегство из-под венца другой юной красавицы, случайно ли это? Или невеста решилась бежать, потому что испугалась чего-то жуткого и извращенного, что скрывается под благовидной внешностью и светскими манерами маркиза?»

Дальше Колдер читать не стал. Он гневно скомкал газету. Старые шрамы напомнили о себе. Болезненная реакция собственного организма на лживую статейку в бульварном листке удивила его. В этом опусе не было ничего, кроме досужих сплетен, приправленных фактами, которые можно трактовать, как угодно.

Но факты — вещь упрямая. С ними не поспоришь. Сегодня утром Колдер действительно отдал Рейфу женщину, которую выбрал себе в жены. Отдал, а не просто уступил, поскольку на церемонии венчания выступил в роли лучшего друга жениха, оказавшегося его более удачливым соперником. Разумеется, маркиз Брукхейвен отдавал себе отчет в том, что эта свадьба вызовет немало пересудов в обществе, где к браку принято относиться с особенно трепетным вниманием, если в брак вступает наследник герцогского титула.

Маркиз знал, что газетчики не оставят его в покое, но ошибочно предполагал, что нападки шелкоперов не смогут причинить ему боль. Пока Рейф, его сводный брат, и Фиби, его сбежавшая невеста, будут наслаждаться медовым месяцем, Брукхейвен рассчитывал отсидеться в четырех стенах своего лондонского дома и притвориться глухим ко всему тому, что не желал слышать.

Не вышло!

Типографская краска испачкала руки. Газета была напечатана на дрянной бумаге — дешевый бульварный листок для мелких умов. Сенсации, высосанные из пальца! Отчего же тогда так саднило грудь от обиды?

Тридцать четыре года безупречной жизни обесценились одной единственной ошибкой! И сколько потрачено сил на то, чтобы общество простило ему эту нелепую ошибку! Так что же, все старания напрасны? Из-за статьи в газетенке, нагло объявившей себя гласом общества!

Только сейчас маркиз стал осознавать, что на него смотрят. С удивлением? Или все же с подозрением? Возможно, о нем уже успели прочесть в газете? Возможно, уже обсуждают утреннюю свадьбу. Как и подробности гибели его покойной жены перемалываются досужими языками, пережевываются, а правда, искаженная до неузнаваемости, выбрасывается за ненадобностью.

Вокруг него море глаз, настороженных, осуждающих, злорадствующих... «Нет, это все неправда, — хотелось ему крикнуть им в лицо. — Все было совсем не так. И тогда, и сейчас».

Но вот, к несчастью, все именно так и обстояло.

С тех пор Колдер изменился. Он дал себе слово никогда больше не терять над собой контроль, ибо именно это — утрата самоконтроля — и стало решающим фактором, приведшим пять лет назад к гибели Мелинды, его первой жены.

Колдер помнил охвативший его гнев, помнил, как рушился мир вокруг него, когда он узнал о предательстве

любимой женщины. Обида и ревность затуманили его разум. Он помнил об этом, но теперь, пять лет спустя, это было лишь воспоминание о воспоминании, словно второй акт пьесы, которую он смотрел давным-давно.

Но боль сегодняшней утраты, боль, пережитая им сегодняшним утром, все еще жгла нутро. Пять лет назад Мелинда бросила его ради мужчины, который в отличие от него, Колдера, смог пробудить в ней ответное чувство. И сегодня так же поступила с ним Фиби.

Правду о Мелинде и обстоятельствах ее смерти не знал никто, кроме самого Колдера; в нем видели лишь достойного жалости вдовца, утратившего всякий вкус к жизни. А между тем он был чудовищем, опасным не только для самых дорогих ему людей, но и для самого себя.

Впрочем, свету недолго выпало пребывать в неведении относительно того, что собой представляет маркиз Брукхейвен. Стоило разразиться новому скандалу, и вот, на тебе: «Брукхейвенский Зверь обращает в бегство очередную невесту, которая ищет от него спасения в объятиях другого мужчины...»

Маркиз в недоумении уставился на фасад Брук-Хауса, его лондонского дома. Как он тут оказался? Сколько же он шел по улицам, не замечая ничего вокруг, погруженный в тяжелые думы? Фортескью, самый лучший дворецкий столицы, открыл ему дверь.

— Добрый день, милорд, — сказал Фортескью, забирая у Колдера шляпу и перчатки. — Мисс Кантор желает поговорить с вами. Она ждет в гостиной.

Колдер совсем забыл о том, что ближайшие родственницы его бывшей невесты все еще жили в его доме. Изначально он пригласил их погостить лишь до свадьбы, но, судя по всему, леди Тесса и обе ее подопечные вознамерились остаться у него навсегда.

Только этого ему не хватало! Вообще-то против пребывания под одной крышей с мисс Софи Колдер он ни-

чего не имел, поскольку это невзрачное и застенчивое создание редко попадалось ему на глаза.

Другая кузина Фиби, мисс Дейдре Кантор, была особой весьма привлекательной и довольно неглупой — вполне сносная компания. Чего не скажешь о мачехе Дейдре. Колдер мечтал избавиться себя от общества этой фурии так же горячо и страстно, как, верно, грешники в аду мечтают о глотке холодной воды.

Итак, мисс Дейдре желает поговорить с ним...

Поразмыслив, Колдер решил, что его уязвленная гордость не пострадает от толики женского внимания, даже если все, что этой девушке от него нужно, — это разрешение пожить под его крышей еще пару дней. На Дейдре действительно было приятно смотреть: точеная фигура и естественная грация, классические формы древнегреческих статуй...

В любом случае уж лучше общаться с ней, чем до бесконечности повторять про себя: «Брукхейвенский Зверь»!

Мисс Дейдре Кантор поджидала Колдера в гостиной, разглядывая портрет, висевший над каминной полкой. Со стены на нее смотрел отец лорда Брукхейвена — слава богу, не он сам, ибо кем надо быть, чтобы повесить собственный портрет там, где ты вынужден смотреть на него изо дня в день! Впрочем, сходство двух лордов Брукхейвенов было налицо, так что, глядя на портрет отца, маркиз словно видел себя в недалеком будущем.

Как и его отец, лорд Брукхейвен был мужчиной видным. Широкий в плечах, темноволосый и темноглазый — как раз такими Дейдре представляла себе суровых и воинственных рыцарей в тех романах, что читала втайне от мачехи.

Если бы маркиз хотя бы изредка улыбался, его можно было бы назвать весьма привлекательным мужчиной, если вам нравятся смуглые брюнеты с несколько тяже-

ловесным подбородком и цепким взглядом, под которым мало кто чувствует себя уютно.

Дейдре нравились мужчины этого типа, и этот конкретный мужчина в частности. Светские дамы в своем абсолютном большинстве отдавали предпочтение мужчинам более изящным и холеным, как раз таким, которые и сейчас крутились вокруг Дейдре, хотела она того или нет, но Брукхейвена она заметила давно, несколько лет тому назад.

Глядя на портрет, Дейдре представляла себе Брукхейвена таким, каким увидела его впервые. Тогда Тесса взяла ее с собой на публичные слушания, касающиеся гибели леди Брукхейвен, — лондонская аристократия воспринимала такого рода события как способ развлечься. Дейдре взглянула на лорда Брукхейвена и сразу поняла, что уже никогда не сможет его забыть — высокого мужчину с гордой осанкой, надменным взглядом и...

И с мускулистым крепким телом с упругими ягодицами отличного наездника. Соберись с мыслями, Ди!

Одним словом, Колдер очаровал ее с первого взгляда. А потом, подавленный смертью жены, он сделался затворником и надолго исчез из поля ее зрения.

Все, что оставалось Дейдре, — это добывать информацию о нем из газет, случайно оставленных Тессой там, где до них могла добраться ее падчерица. Дейдре подолгу рассматривала изображения благородного профиля маркиза, появлявшиеся в газетах благодаря стараниям художников, выслеживавших маркиза-затворника возле его лондонского дома.

Один из таких рисунков она продолжала хранить между страницами одной из своих любимых книг. Когда Дейдре впервые увидела маркиза, ей было шестнадцать. Ей — шестнадцать, а ему — тридцать: немалая разница в возрасте. Впрочем, ее эта разница не испугала. Счастливая обладательница синих глаз и золотистых локонов, Дейдре обращала на себя внимание прелестной наруж-

ностью, и едва ли кто-нибудь из ее знакомых догадывался о том, что Дейдре совсем не та, кем кажется. Решимости и упорства ей было не занимать. А терпению могли бы позавидовать многие.

И Дейдре, которую мачеха всю жизнь держала в черном теле, не доходя до членовредительства только потому, что рассчитывала в один прекрасный день ее выгодно продать, вполне устраивало то, что о ней судят лишь по внешним данным.

Дейдре взрослела с мыслью о том, что рано или поздно Брукхейвен выйдет из траура и появится в светском обществе. И, когда он будет готов к новому браку, она окажется рядом. И все те бесконечные недели, пока Фиби считалась его невестой, Дейдре ни разу не поддавалась панике. Она ждала своего часа, и этот час настал.

Главное — не упустить момент. Дейдре собиралась апеллировать прежде всего к его логике, хотя на одну только логику рассчитывать было глупо. В дело пойдут и манеры, и обходительность, и внешние данные. Насчет последнего Дейдре волновалась меньше всего. Флиртовать она научилась мастерски! Дейдре томно прикоснулась к оторочке лифа и вдруг скользнула пальцами вниз, одновременно глубоко вдохнув, словно ей вдруг перестало хватать воздуха. Движение было отработано до автоматизма, и производимый результат ни разу ее не разочаровал. Этот трюк действовал безотказно на мужчин всех возрастов.

Дейдре усмехнулась про себя: уроки ненавистной Тессы не прошли даром. Но, как бы там ни было, она должна добиться того, чтобы Брукхейвен ее выслушал, а всякий знает: ничто так надежно не удерживает внимание мужчины, как выразительное декольте.

За спиной ее открылась дверь. Пора...

Дейдре грациозно обернулась, сделала неглубокий, но выразительный вдох и с любезной улыбкой сказала:

— Милорд, я...

Брукхейвен задержался на пороге. Он оставался в тени, тогда как Дейдре стояла на свету. Она не случайно выбрала именно эту позицию, выгодно подчеркивающую красоту ее золотистых волос, но отчего-то ею вдруг овладели дурные предчувствия.

Это не тот мужчина, кем можно играть. Этот мужчина может быть по-настоящему опасным, если рассердится.

Дейдре охватили сомнения. Правильно ли она поступает? Пять лет назад в дорожной аварии при загадочных обстоятельствах погибла ужасной смертью первая жена маркиза Брукхейвена. Словно выброшенная за ненадобностью кукла она лежала в пыли. В то время никто ни словом не обмолвился о том, что виновником ее гибели мог быть собственный муж. Но, возможно, все молчали лишь потому, что не осмеливались высказать свои подозрения вслух?

Этот мужчина обладал и влиянием, и властью. Разве это время ему не подвластно...

Но он вошел, и время пошло вспять.

Дейдре вдруг с поразительной отчетливостью увидела себя сидящей в церкви этим утром. Она смотрела на Брукхейвена, стоящего у алтаря вместе с Фиби. Фиби повторяла за священником клятвы так тихо, что Дейдре, как ни старалась, не могла расслышать ни слова. Боль была невыносимо острой, слезы обиды жгли глаза Дейдре, и лишь невероятным усилием воли она заставила себя не заплакать.

И вдруг в церковь вбежал лорд Марбрук, грязный, с горящим взглядом, с темными кругами вокруг глаз, и принялся умолять Фиби одуматься... И тогда вдруг стало ясно, что бракосочетание не состоится, что маркиз не женится на Фиби.

И Дейдре почувствовала, что громадный груз свалился с ее души. И поняла, что судьба подарила ей шанс, который она не имела права упустить.

Маркизу Брукхейвену суждено принадлежать ей, Дейдре.

Глава 2

Видит Бог, она была красива. Колдеру каким-то образом удавалось не поддаваться ее чарам с тех пор, как он обручился с Фиби, которая, разумеется, тоже была весьма недурна собой, хотя привлекательность Фиби не была главным фактором, когда Колдер принял решение жениться на ней.

Фиби, безусловно, была девушкой хорошенькой, но Дейдре Кантор такое определение подходило меньше всего. Она была бессовестно красива: волосы цвета золота, глаза как сапфиры, молочно-белая кожа и на редкость правильные черты лица, не говоря уже о фигуре, сводящей с ума любого мужчину.

Красота не в лице, а в поступках. Колдер не мог не согласиться с этой поговоркой, ибо наглядный пример был у него перед глазами. Мачеха Дейдре, вероломная гадюка, была красавицей, и что с того?

Тем не менее, несмотря на то что Колдер никогда пристально к Дейдре не приглядывался — для него она была лишь родственницей его невесты и не сказать, чтобы очень желанной гостьей в его доме, рассматривая ее сейчас, он вдруг подумал о том, что в ней, пожалуй, есть что-то помимо внешности. Не мешало бы копнуть поглубже и узнать, что там у нее внутри.

Отчего-то эта мысль увела его в ту сторону, куда двигаться не следовало бы. Колдер вдруг представил, что познает ее в библейском смысле этого слова. И ему вдруг сделалось неловко за себя. Воображать скабрёзности, глядя на девицу, во всех смыслах достойную, неприлично.

Впрочем, оправдание у Колдера имелось — он очень давно не был с женщиной.

Дейдре подошла к нему и остановилась на расстоянии вытянутой руки. Она держалась с безупречной учти-

востью, говорящей о хорошем воспитании, но при этом была чем-то... обеспокоена. Черт побери, не прочла ли она случайно гнилую статейку в той дрянной газетенке?

— Вы меня боитесь, мисс Кантор?

Дейдре ответила не сразу. Во время паузы она пристально смотрела на него.

— Нет, не боюсь.

Ее взгляд едва не выбил Колдера из колеи, но, словно почувствовав его дискомфорт, мисс Кантор скромно потупила взор и сделала неглубокий вдох. С подкупающей безмятежностью глядя на него, произнесла:

— Я пришла просить вас стать моим мужем, милорд.

Колдер невольно отшатнулся, прижавшись лопатками к двери.

— Вот как. — Дейдре была не первой, кто желал стать его супругой, однако она была первой, заявившей ему о своем желании с беспрецедентной, но отчего-то волнующей дерзостью. Интересный поворот. Хотя сегодня он не чувствовал себя в должной форме для этого разговора. Колдер провел рукой по лицу. — Видите ли, мисс Кантор, в настоящий момент мне как-то не хочется беседовать на эту тему.

— Это потому, что вас называют Зверем?

Даже в стенах собственного дома ему не скрыться от этого кошмара. Колдер приосанился, одернул жилет.

— Вы, несомненно, сделали мне весьма лестное предложение, но, возможно, сейчас не самое лучшее время...

Дейдре приблизилась к нему на шаг.

— Лучшего времени и не придумать, милорд. Вы не должны позволять им распускать о вас гнусные слухи. Вы должны положить конец клевете.

По правде сказать, она ошеломила его. Женщина из общества, которая с таким пренебрежением относится к сплетням, — это действительно редкость. Гораздо чаще встречаются те, кто питается ими, немало тех, кто разносит сплетни, и лишь немногие старательно избега-